

Дмитрий СУХАРЕВ

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

бард-опера в одном действии

(по А. П. Чехову)

Музыка Сергея Никитина

ЛИЦА

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ ЧУБУКОВ, помещик

НАТАЛЬЯ СТЕПАНОВНА, его дочь

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОВ, помещик, сосед Чубуковых

Действие, происходящее в усадьбе Чубукова, начинается с того, что в гостиную, в которой находится хозяин дома, входит во фраке и белых перчатках его сосед, помещик Ломов.

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ ЧУБУКОВ

НАТАЛЬЯ СТЕПАНОВНА

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОВ

Голубушка моя,
Иван Васильевич, входите смело!

Степан Степаныч, я...
Степан Степаныч, я...

Да говорите, что у вас за дело!
К чему сей фрак, голубушка моя,
зачем, душа моя, так чинно?
Ведь мы соседи, как-никак, —
соседи, как-никак, —
так в чём причина?

Степан Степаныч, я...
Степан Степаныч, я
приехал к вам просить...

(Не денег ли?)

(Не дам.)

(Не дам.)

(Не дам.)

Да не размазывайте, ангел мой!
Что надо – говорите враз.

Натальи Степанны руки!..
Повторите ещё раз, мамусенька-дуся,
Красивые эти слова!
Я так рад, что ушам своим верить боюсь
И кругом пошла голова.

Красавушка, душенька, вы ей желанны!
Скорее за ней побегу!
А ей — ни гу-гу!

Ох, заждалась моя Наташа женишка...
Но ведь не принято,
чтоб девки сами в бой бросались —

просить приехал...
Приехал к вам...

Приехал к вам...

Приехал к вам, один лишь вы,
хоть я ничем не заслужил,
помочь мне можете, хоть я ничем
не заслужил, но я
приехал к вам...

приехал к вам домой...

Сейчас... Сейчас...

Простите за то, что слова бестолковы,
за дерзость простите меня,
но, право, нам, Ломовым, вы, Чубуковы,
родней, чем родная родня.
Я чувствую сердцем, я знаю наверно,
что семьи так чудно близки...
Вот я и приехал просить дерзновенно
Натальи Степанны руки.

Так я на согласие Натальи Степанны
рассчитывать всё же могу?

Терпи, голубушка, терпи!
И вдруг — такой красавец!
И сразу всё тебе: и фрак, и сердце, и рука!

Оно конечно. Оно конечно.

Оно конечно.

Оно конечно, я вдовец, увы, вдовец...
Но ведь и вдовушки у нас в уезде обитают
и чувства нежные порою к нам, вдовцам, питают,
да мы и сами как-никак не без сердец!

Не без сердец!

Не без сердец!

Не без сердец!

Не без сердец!

Оно конечно.

А у вдовца...

жизньё кромешно.

Оно конечно.

Оно конечно.

Оно конечно.

Оно конечно.

СС убегает, ИВ один

Приду домой — меня жена встречает нежно...

А холостяцкое житьё — оно кромешно!

Оно конечно.

Не без...

Не без...

Не без...

Не без...

Небесный ангел в белых кружевцах
встречает нежно...

Оно конечно.

А у холостяка
жизньё кромешно.

Оно конечно.

Оно конечно.

Оно конечно.

Оно конечно.

Мне тридцать пять — пора!
Так в одиночестве печальны вечера,
что хоть на стену, право, лезь,
и вот я здесь, и вот я здесь.
Здоровья нет, мои года отсвиристели,
я стал калекой в холостой своей постели.
И слабость в теле...
Я весь, как лист, дрожу,
но лишь войдёт она, я сразу ей скажу:
Нужна жена! Жена желанна!
Натальстепанна! Натальстепанна!
Мне тридцать пять, и вот я здесь,
каков уж есть, таков и есть...
Так окажите честь!

Как холодно!
Как страшно!
Как страшно холодно!

Главное, надо решиться,
и ждёт за отвагу награда.
Надо решиться,
и всё разрешится,
и всё разрешится как надо.

Всё равно не дожидаться любви идеальной,
той небесной любви,
что в крови загорается с первого взгляда.
И пускай не на небе этот брак совершится,
но всё разрешится как надо.

У Натальи Степановны вкуса немало,
и по части учёности,
образованности —
тоже немало,
и по части фигуры —
не сказать чтобы много,
но и не мало,
и нечего, нечего, нечего ждать идеала

тому, кого жизнь истрепала,
тому, чьё здоровье пропало
без следа.

И вот оно пришло, моё мгновение.

Мне тридцать пять — пора!
Так в одиночестве печальны вечера,
Что хоть на стену, право, лезь,
и вот я здесь, и вот я здесь.
Да, я волнуюсь, я мучительно дрожу,
но лишь войдёт она, я сразу ей скажу,
скажу ей сразу:

Мне тридцать пять — пора!
Поверьте, я уже не тот, что был вчера.
Прошу вас быть
моей женою,
беду и радость
делить со мною!
Я без ответа не уйду домой...
О жалкий возраст мой!

(входит НС в фартуке и неглиже:)
Здравствуйте. Что это вы во фраке?
Смотрите вы премило.
Здесь ведь у нас не Париж, не Вена —
косим, а вы во фраке.
Очень, признаюсь, боюсь за сено,
как бы оно не сгнило.
Здесь ведь у нас на балах не пляшут —
пляшут дожди в овраге.
Всё же признаюсь вам откровенно:
смотрите вы премило!
Всё же признайтесь мне откровенно —
что это вы во фраке?

Простите за то, что слова бестолковы,
за дерзость простите меня,

Извините меня, но я вас перебую, —
ради бога, прошу: не тяните!
А Воловьи Лужки вы за землю свою
по ошибке сочли, извините.

Нет, наши!

Нет, наши!

Вот новость, право!
Там наши мужики
пасут! Судите здраво,
так чьи ж они, Лужки!

Вот новость
право!
Там наши
пасут!
Судите

но, право, нам, Ломовым, вы, Чубуковы,
родней, чем родная родня.
Сердитесь-бранитесь, мне будет оплотом
сознание, что семьи близки,
как ваш березняк за Горелым Болотом
И наши Воловьи Лужки.

Ах, наши ошибки — времён отголоски,
ведь земли так чудно близки:
полоска к полоске, как ваши березки
и наши...

и наши...
и наши Воловьи Лужки.

Да, наши семьи так близки
и наши земли так близки,
так чудно, так пленительно
близки,
как две берёзки за Горелым
за Болотом на горе и
ломовские кровные
Лужки!

Да, наши семьи так близки
и наши земли так близки,
так чудно, так пленительно
близки,
как две берёзки за Горелым

здорово,
так чьи ж они,
Лужки!

Да что вы, право, мелете,
вы права не имеете
от нашего поместья отхватывать куски,
вы слов не разумеете...

На чубуковские!

На чубуковские!
На наши чубуковские Лужки!

Да что вы, право, мелете,
вы права не имеете
от нашего поместья
отхватывать куски,
вы слов не разумеете,
вы права не имеете
на наши чубуковские
Лужки!

В нашу
обитель
вы, как..
вы, как гра-
битель
ворвались отнять
у нас Луж-
ки!

Объясните, папа, что Волосьи Лужки
были нашей землёй искони!

за Болотом на горе и
ломовские кровные
Лужки!

Вы слов не разумеете,
вы права не имеете
но ло...

на ло...

на ломовские кровные Лужки!

Ах, всё
печально —
поместья так близки,
что
за свои
случайно
вы сочли мои
Лужки.

Да что вы, право, мелете,
вы права не имеете
от нашего отхватывать
куски,
вы слов не разумеете,
вы права не имеете
на ломовские кровные
Лужки!

Искони!?

(входит)
Что за крик?

Из коню!?!..

Мужики!?

Мужики?

При чём тут?

Кирпичом!?

Мужики?

При чём тут
наши Воловьи Лужки?

Я прямо вам скажу...

да, я скажу...

что ваши речи — это просто ахинея!
Я вмиг вам покажу...

по чертежу...

и всю историю детально расскажу...
Вы, дусенька, гляжу,..

совсем того!

Пустое мелете и врёте не краснея.
Вы, милосгосударь, хитрей змеи!

Хитрей змеи!

Лужки не ваши, а мои!

Из конюшни сей слух!

Мужики...

Мужики — это сеют они.

За то, что...

что нам кирпичом...

помогли мужики...

За это мы их и пустили...

на наши Воловьи Лужки.

Лужки мои!

Лужки мои!

Лужки мои!

Лужки мои!

По чертежу!

По чертежу!

Лужки мои!

Лужки мои!

Лужки мои!

Ой, дёрнуло в боку!
Бежать, бежать.

Цыц, сорока!

Не избежать...

Не избежать...

Нет-с, милосгосударь...

Не избежать...

Не избежать семейке Ломовых урока!
Ваш, дусенька, отец...

да, ваш отец...

да, ваш отец был порождением порока:
Запоем пил...

жену лупил...

а также дед по пьянке помер раньше срока!

Поглядите, каков!

Я управу
по суду, по суду
и Лужков не отдам
по суду!

В нашу
обитель
Вы
ворвались...
вы, как
грабитель,
нам
на беду!

Вы узурпатор, узурпатор!

Ой, снова левый бок!

И потолок...

И потолок уходит из-под ног.

Бежать, бежать!

Нога волочится...

А ваша мать...

А ваша мать...

А ваша мать...

А ваша мать...

Ой, снова левый бок!

А ваша мать...

Я и хотел бы, да не смог
о том смолчать, что ваша мать
была, как всем широко известно,
кривобока!

Не отдам я Лужков!

А на вас я управу
найду.

Я управу найду
по суду, по суду
и Лужков не отдам
по суду!

А я поскорей
на Лужки косарей,
чтоб скосили мои
мужики
Воловьы Лужки!

Это наши Лужки!

Это наши Воловьы Лужки!

(Ломов уползает с поля боя)

Таких, как Ломовы, во всём уезде нет —
таких мерзавцев.

(СС уходит, Ломов всовывает голову)

А я поскорей
на Лужки косарей,
чтоб скосили мои
мужики
Воловьы Лужки!

Это наши Лужки!

Это наши Воловьы Лужки!

Нет, я не так глупа,
чтоб узурпатору потворствовать, папа!
Владеем клином триста лет —
и вдруг, извольте, клина нет.
Каков, однако же, ближайший наш сосед!

Поверьте мне, папа,
ведь я не жадная, я вовсе не скупа,
но тяжко жить в соседстве с хамом,
соседство с хамом
приводит к драмам,
душе не вынести, нет, не перенести
несправедливости!

Нет, я не так глупа!..

Нет, я не так глупа!..

Нет, я не так глупа,
чтоб уступить своё святое право.

А я поскорей
на Лужки косарей,
чтоб скосили мои
мужики
Воловьы Лужки!
Это наши Лужки!

Это наши Лужки!

Это наши Воловьы Лужки!

Натальстепанна, виноват...

Я унаследовал Лужки от тётки.

Нога волочится и жить не хочется...
О, одиночество!
И боль в боку тупа.

Вы просто узурпа...
вы просто узурпатор,
но найдётся и на вас управа.

Вы просто узурпа-
(тор),

и найдётся без труда на вас управа.
Но ради принципа,
но ради принципа,
но ради принципа могу
и умереть, но ради прин-
ципа могу и умереть,
но ради принципа могу...
Нет, я не так глупа!

Что с вами быть приятно мне,
я вам, я вам открыто заявляю,
но даже и наедине
я оскорблять себя не позволяю!

Нет, я не узурпа-
(тор)!

Но ради принципа,
но ради принципа,
но ради принципа могу
и умереть, но ради прин-
ципа могу и умереть,
но ради принципа могу...

И боль в боку тупа,
Я умираю ради принципа.
Нога волочится, и жить не хочется,
и никуда не убежать от одиночества.
А шёл сюда — не ждал беды...
Воды... Воды...

Аааааа!

Да он явился с предложением, дурак:
Хочу, мол, руку предложить,
хочу, мол, с вами вместе жить.

А с кем же? Уж, известно, не со мной.
Напялил фрак: прошу, мол, стать моей женой.

(Ломов падает и умирает. Входит СС)

И всё ж к чему сей фрак?

Со мной?

Его женою?

Вернуть его, вернуть!

Что за комиссия, создатель...

быть взрослой дочери отцом!

Несчастный я...

старик!

Да прекрати же ты истерику и крик!

Да не реви!

Сейчас очнётся,

сейчас очнётся,

и всё начнётся.

Изволь расхлёбывать, голубушка, сама,

А я сойду или сошёл уже с ума.

А я схожу с ума!

(СС уходит)

(Следуют внутренние монологи НС и ИВ)

Папа, верните его к жизни как-нибудь!

Я умоляю вас, папа,

его поставить на-попа!

Умоляю!

Умираю! Умираю!

А я?

Иван Васильич, что случилось?

Очнитесь, милый!

Я погорячилась...

Много ли нужно?

Поле да сад,

умного мужа

ласковый взгляд,

полная чаша

тайных услад —

тихое счастье

окнами в сад.

Много ли нужно?

Поле да сад,

умного мужа

ласковый взгляд,

полная чаша

тайных услад —

тихое счастье

окнами в сад.

Младость, что свои страсти?

Нежный, ласковый взгляд —

вот действительно счастье!

Счастлив тот, кто женат...

Эти нежные взгляды

от беды защитят

тихий дом наш, и сад, и

счастье с окнами в сад.

(ему)

Иван Васильевич, сосед,
да что же с вами вдруг случилось?
Вы живы, милый?

Нет!

Вы живы, милый?

Нет!

Теперь я вижу: я погорячилась.
Что с вами быть приятно мне,
я вам, я вам открыто заявляю,
особенно наедине, —
и смело мне открыться позволяю.

Что мне земля? Бог с ней.
Мне во сто крат важней
мои права!

Права?

Права!

Права? Вы правы.

Что мне земля?

Бог с ней.

Мне во сто крат важней
мои права.

Поговорим
о чём-нибудь совсем другом,
ну, хоть о том, как хороши
тетерева после жнитва, —
я не права?

Права.

Я не права?

Права,
Тетерева, они сейчас вполне...
И с вами быть приятно мне
нае-
дине.

Ах, говорите ради бога!

Натальстепанна, виноват...

Я так смущён. Мой разум слабоват.

Иван Васильевич!

Был мой вопрос.
Был ваш ответ.

Я не права?

По болоту?

По болоту, по стерне...
на лихом скакать коне...

Несчастье?

Это горе не беда!

Так ведь есть наш Откатай.

Откатай до зайца хват!

Что вы! Что вы! Что вы! Что вы!

Немного.

Так всё ж почудилось мне давеча иль нет,
и в самом деле вы упомянули
тетеревов?

Итак, меня мечты не обманули.
Тетерева!

Права.

(в сторону:)

Во всём права!

Итак, меня
мечты не обманули:

ты и только ты
поймёшь мою сердечную заботу!

(обращаясь к ней:)

Люблю тетеревиную охоту!

По болоту.

Да по стерне...

на скакуне!
Да вот беда —

Да,
захромал мой Угадай...

Угадай в уезде лучший пёс!

Что мне ваш Откатай?

Какой там хват,
ведь он у вас подуздоват,
под-уз-до-ват.

Да в своём ли вы уме
говорить такое мне?

И дети в нём...

И псарня в нём...

И псарня в нём!
По болоту, по стерне
на лихом скакать коне!
Это чей там звонкий лай?

Это лает Откатай!

Откатай!

Откатай!

Откатай в уезде лучший пес!

Уж позвольте нам знать,
как лису затравить,
а вот вам — ни к чему и пытаться,

Ах, и сам я не пойму,
в чём беда и что к чему.
И откуда быть уму,
если верится с трудом
в то, что будет у меня
своя семья, свой милый дом...

И дети в нём...

И псарня в нём,
И псарня в нём!
По болоту, по стерне
на лихом скакать коне!
Это чей там звонкий лай?

Это лает Угадай!

Угадай!

Угадай!

Простите за то, что не лгу ради лести,
хитрить не умею — нет, я не лиса,
но я вам обязан сказать ради чести
про челюсти вашего пса.
Поймите же вы, что они подкачали
и верхняя челюсть — длинней.
Ваш пёс непоимист, твержу вам в печали:
догнать-то лису он сумеет в начале,
но после не справится с ней.

вам на печке лежать, тараканов давить
да за сердце рукою хвататься.

(входит СС)

В чём дело, мой красавец?

Да не волнуйтесь вы!

А хоть и так, так в этом важности немного,
ведь Откатай во всём уезде лучший пёс.

Да в нашем уезде.

Сударыня, хватит! Молю вас, молчите.
Мне больно. Скорее уйду.
Вы просто признать, вы признать не хотите
того, что у всех на виду!

Степан Степанович!

Мне нужен честный недвусмысленный ответ,
скажите прямо, прочих статей не касаясь:
подуздоват ваш Откатай иль, может, нет?

Скажите ради бога!
Подуздоват иль нет, ответьте на вопрос.

В каком уезде?

Но в нашем уезде... Нет, я не лиса,
простите за то, что не лгу ради лести, —
глупей Откатая не сыщете пса!
Вот мой Угадайчик — сравните и взвесьте,
ведь сразу же видно: не пёс, а краса,
и зубки на месте, и челюсть на месте...

(СС и НС вдвоём, перебивая его:)

Наш Откатай — сын Запрягая и Стамезки!
А этот ваш муругопегий страхолюд —
таких цыгане за колбасные обрезки
иным выжлятникам по дюжине дают.
Не цыган ли принес
вам в подарок такого урода?
Откатай — это пёс:
Родословная, розвязь, порода.
Вот ответ на вопрос!
Так признайте, коль есть у вас совесть:
Откатай — это пёс,
Элегантность, окрас, густопсовость!

Вы лжец!

Вы лжец!

Вы лжец!

Мой выжлец густопсов,
таких, как он...

Ваш Угадай подслеповат!

(СС и НС вместе:)

Вас надули!
Ваш Угадай придурковат!

Придурковат.
Да вы и сами, вы и сами не без дури.

Ваш Угадай придурковат!

Ваш выжлец неухватчив!

Ваш выжлец непоимист!

Ваш Откатай подуздоват
притом шерстиной, извините, жестковат.

Подслеповат?
Я уплатил за Угадая...

Придурковат?

Когда б не страшное сердцебиенье
и кровь не стучала б во мне,
я б высказал вам откровенное мненье
о вас и о вашей родне:
что ваша мамаша была кривобока,

Цыц, сорока!
Ну, я ему глотку заткну!
Цыц, припадочный, к порядку!
Цыц, голубушка моя!
Застрелю, как куропатку,
из поганого ружья!

Все Ломовы безбожники,
сутяжники, картёжники,
вы пьёте, как сапожники,
по триста раз в году,
мужья вы ненадёжные —
изменщики осторожные,
такие все-все-все у вас в роду.

Да-да-да-да, безбожники,
да-да-да-да, картежники
и в стельку напиваетесь
по триста раз в году
мужья вы ненадежные,
изменщики осторожные,
такие все-все-все у вас в роду.

Вот так номер.
Вправду помер.

Лежит и ни гу-гу.

А он ни гу-гу.

Ваш Угадай придурковат!

Ваш Угадай придурковат!

Все Ломовы картёжники,
вы пьёте
все-все-все,
вы ненадёжные,
такие все в роду,
все-все-все.

Ну уж нет!

Ааа! Он умер! Умер!

Скорей побегу за доктором!

Скорей побегу!

Скорей побегу!

что дядюшка грабил казну,
что вы перед выборами...

Расписывать легко вам —
ведь это ж ваш портрет!

В аду вам, Чубуковым,
за всё держать ответ!

Чернить легко вам!

В аду

вам, Чубуковым,
вылизывать сковороду!

(Ломов снова выпадает в осадок)

А он ни гу-гу.

Скорей побегу!
Но он и сам был с нами груб.

Нет, я так больше не могу.

Нет, я так больше — не могу.

Дайте мне крюк и верёвку,
и ждут тишина и отрада.
Надо решиться,
и всё разрешится,
всё навсегда разрешится как надо.

Не держите меня, я хочу, я хочу удавиться,
я проткну себе уши, глаза себе выжгу железом!
Зачем я, несчастный,
себя не зарезал?
В святую обитель хочу удалиться.

Дайте мне утопиться!

Дайте чашу напиться крысиного яда!
Хочу удавиться!
Хочу застрелиться!
А мучить не надо, а мучить не надо.

И вот оно пришло, моё мгновение!

О боже мой, холодный труп!..

А он ни гу-гу.

А он ни гу-гу.

А он ни гу-гу.

Он рукой шевельнул!

Задышал!

Оживает, папа!

Пора?

И вот вы здесь.

И все ж к чему
сей вам идущий очень фрак?

Мне тридцать пять —

пора!
Так в одиночестве печальны вечера,
что хоть на стену, право, лезь...

И вот я здесь.

Так продолжайте!
Продолжайте! Предлагайте!

А мне!

А я без вас, как птичка в клетке.
Иван Васильич!

Вы были правы про Лужки —
нас сбили с толку мужички.

Я вас люблю, **папа!**

Руки?

Согласна!

Да я явился с предложением, дурак.

Мне тридцать пять —

пора...
Что наша жизнь?

Игра.
Нужна жена!
Жена желанна!

Натальстепанна!

Я вас люблю, **папа!**

Что такое?
Кого?

Степан Степаныч, я...
Натальстепанна, я
хочу просить у вас...

воды.

Я к вам пришёл с утра,

Шампанского!

Благословляю!

Целуйтесь, детки!

Шампанского! Шампанского!
Шампанского! Шампа!..

Пальнуть бы в вас из двух стволов
(не дай, господь, душе соблазна!) —
пиф-паф и будь здоров,
пиф-паф и будь здоров.
Целуйтесь, голуби, она согласна.
Иван Васильевич, а ну —
целуйте, говорят вам!

Меня, а то пальну,
меня оставьте, голуби, в покое!

Пора.
Я тоже счастлива.

Но только чур не умира...

Я — за.

Я — за.

Ну вот, прошибла и меня слеза.
Ей богу, будто с плеч гора...

(втроём, нестройно:)
Ура... Ура...

Как там хотите, а мне народите внучат —
маленьких внучат.
Как там хотите, а мне угодите:
можно пацанов, можно и девчат.
Это же счастье — свои чубучата!
Ручками сучат! Ножками сучат!
Мигом рожайте деду Степану
маленьких внучат, маленьких внучат!

Как там хотите, а мне народите внучат —
маленьких внучат.
Как там хотите, а мне угодите:
можно пацанов, можно и девчат.
Это же счастье — свои чубучата!
Ручками сучат! Ножками сучат!
Мигом рожайте деду Степану
маленьких внучат, маленьких внучат!

Много ли нужно?
Поле да сад,
умного мужа
ласковый взгляд,
полная чаша
тайных услад —
тихое счастье
с окнами в сад.

Много ли нужно?
Поле да сад,
умного мужа
ласковый взгляд,

мне тридцать пять —

Ура.

Простите, ноги отнялись,
а то бы встали и прошлись
под образа.

Под образа.

Младость, что твои страсти?
Нежный, ласковый взгляд —
вот действительно счастье!
Я почти что женат...

Как там хотите, а мне народите внучат —
маленьких внучат.
Как там хотите, а мне угодите:
можно пацанов, можно и девчат.
Это же счастье — свои чубучата!
Ручками сучат! Ножками сучат!
Мигом рожайте деду Степану
маленьких внучат, маленьких внучат!

(втроём:)

И по стерне, по болоту
вместе скакать на охоту —
рядом с женой на коне муж на коне!
Тетерева, перепёлки,
перепела и тетёрки!

полная чаша
тайных услад —
тихое счастье
с окнами в сад.

Много ли нужно?
Поле да сад,
умного мужа
ласковый взгляд,
полная чаша
тайных услад —
тихое счастье
с окнами в сад.

А Откатай...

вихрем летят...

вихрем летят...

вихрем летят...

Эти нежные взгляды
от беды защитят
тихий дом наш, и сал, и
счастье с окнами в сад.

Младость, что твои страсти?
Нежный, ласковый взгляд —
вот действительно счастье!
Я почти что женат...
Эти нежные взгляды
от беды защитят
тихий дом наш, и сад, и
счастье с окнами в сад.

А Угадай...

Натальстепанна, виноват...

Ваш Откатай подуздоват.